

Жданов Сергей Сергеевич

СКАЗОЧНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОБРАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ САШИ ЧЕРНОГО)

В статье рассматриваются маркированные немецкостью образы в рассказах Саши Черного "Техники", "Диспут" и "Замиритель", относящиеся к художественному изображению Первой мировой войны. В характерной для автора манере, данная тема переосмыслена в духе сказочного начала, представляя военные события в гротескной фантастической форме. Преодоление травмирующего опыта жестокой, проявляющейся в абсурдном обличье реальности осуществляется также за счет обращения к образу солдата, который, благодаря своей смекалке и смелости, торжествует над врагами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются маркированные немецкостью образы в рассказах Саши Черного «Техники», «Диспут» и «Замиритель», относящиеся к художественному изображению Первой мировой войны. В характерной для автора манере, данная тема переосмыслена в духе сказочного начала, представляя военные события в гротескной фантастической форме. Преодоление травмирующего опыта жестокой, проявляющейся в абсурдном обличье реальности осуществляется также за счет обращения к образу солдата, который, благодаря своей смекалке и смелости, торжествует над врагами.

Ключевые слова и фразы: русская литература XX века; Саша Черный; рассказ; сказка; сатира; литературный сказ; немецкость; Первая мировая война; образ немца-ученого; образ русского солдата.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н.

*Сибирская государственная геодезическая академия
fstud2008@yandex.ru*

СКАЗОЧНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОБРАЗОВ В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ САШИ ЧЕРНОГО) ©

Первая мировая война стала историческим событием, ознаменовавшим масштабный кризис модерна как эпохи, уверовавшей в разум. Человечество пережило невиданную доселе по масштабам бойню, большинство участников которой оказались в состоянии полной несвободы, играя роль пушечного мяса. Причем научно-технический прогресс не только не способствовал гуманизации народов, но, наоборот, предоставил участникам новые средства тотального истребления. В итоге Первая мировая война стала восприниматься значительной частью людей как воплощение жестокого, бесчеловечного абсурда жизни.

Художники, столкнувшись с этим травмирующим опытом, по-разному осмыслили его. Так, Э.-М. Ремарк написал проникнутый отчаянием и неизбывной ненавистью к войне роман «На Западном фронте без перемен». Я. Гашек в сатирических «Похождениях бравого солдата Швейка» показал, что, пожалуй, только человек, официально признанный идиотом, способен сохранить рассудок в распадающемся мире. С. Черный, о рассказах которого пойдет речь в данной статье, свой военный опыт переосмыслил в форме сказок. Ведь именно в них добро и зло, как правило, резко отделены друг от друга, и положительный герой может преодолеть все преграды, даже выбраться из царства смерти.

В каждом из рассматриваемых произведений С. Черного это переосмысление осуществляется по-разному. Так, рассказ «Техники» имеет подзаголовок «Сказка», но, основываясь на содержании, А. С. Иванов называет его «сатирой в прозе» [5, с. 35]. По сюжету произведения, в германское военное министерство приходят ученые и предлагают свои изобретения в области массового уничтожения. Заметим, что, в отличие от традиционной сказки, в рассказе С. Черного положительный герой-протагонист отсутствует, соответственно, нет и мотива путешествия как перехода во враждебное пространство. Действие изначально происходит в чужом (в данном случае инонациональном) локусе, который проявляет некоторые черты царства смерти. Во-первых, это сам характер министерства и предлагаемых гротескно изуверских изобретений: «...отравленные сигары для братания; прокламации на русском языке, пропитанные составом, от которого люди три недели должны ходить, как очумелые; водку, разбавленную слюною бешеных собак; гранаты, начиненные ржавыми иглами, – черт его знает, чего только не приносили!» [6, с. 101]. В этот же inferнальный ряд орудий для душегубства вписывается и упоминание черта. Во-вторых, в описании самих персонажей проявляются черты, маркирующие их как существа иного мира. Например, один из немецких ученых носит фамилию фон-дер-Кваке, которая по созвучию ассоциируется с образом жабы или лягушки, представителя водной холодной стихии, Нижнего мира. Связь с водным и одновременно смертельным началами проявляет и оценивающий изобретения полковник, который к концу дня (с наступлением темного времени суток) становится «мокрым, как утопленник» [Там же]. Наконец, в связи с характеристикой полковника упоминается мотив серы, объединяющий в себе научный (химический) и жестокий, inferнальный смыслы, сообщая характеристике саркастический оттенок: «Младший (сын одного из ученых – прим. автора – С. Ж.) такой симпатичный мальчишка – на вас похож, господин полковник. Всего три года, а уже изобретает: вчера кошку керосином вымазал, серой обсыпал и в печку...» [Там же]. Кроме того, ученый признается, что ради своего изуверского изобретения позабыл про религию: «...в кирхе не был два месяца, все изобретаю» [Там же]. Насчет третьего ученого полковник и вовсе «проговаривается»: «...не в свое дело не суйся, черт этакий...» [Там же, с. 102]. Вообще, по А. С. Иванову, «...слова «еолдат», «армия», «воинская служба» ассоциативно связались в сознании Саши Черного со всякого рода чертовщиной» [5, с. 35].

Наряду с inferнальными чертами немецкий полковник имеет признак полноты, свойственный в сказочном (фольклорном) хронотопе представителям высших военных чинов: «плотный такой, щеки, как окорока»;

«жирные полковничьи ляжки» (напоминающие лягушачьи) [6, с. 101]. Кроме того, мотив распирающей телесности, а также снижающее сравнение с неодушевленным предметом (окороком) отсылает нас к образу типажного немца. Такие плотные, раскормленные, маркированные немецкостью персонажи встречаются во множестве как в произведениях самого С. Черного, так и в русской литературе XIX-XX вв. в целом. Тем же признаком полноты в портретном описании отмечен один из ученых, «маленький толстый немец» [Там же, с. 102].

В общем и целом, немцы-ученые из рассказа «Техники» не вписываются в типаж безумного ученого, растиражированный в фантастической литературе и массовой культуре в наше время. Это не inferнальный злодей-одиночка, преступления которого можно списать на психологическую перверсию с оттенком романтической отверженности. Это не паршивая овца в стаде милых овец, но такой же добрый (в смысле типажности, а не моральных качеств) немец. В образах ученых из рассказов С. Черного можно проследить все тот же «экзистенциальный разрыв» [4, с. 52], который приписывался немцам русским общественным сознанием еще в XIX веке и выражался в механическом совмещении духа и быта. Дух, воспаряющий к далеким небесам, и быт, погрязший в мелочной материальности, – вот два полюса германской ментальности в отечественной литературной традиции. Новые немцы-техники С. Черного – это те же гелертеры прошлого, обладающие книжной ученостью, но оторванные от жизни, практической деятельности. Правда, деятельность первых можно назвать практической в утилитарно-техническом смысле. Их орудия уничтожения есть плоды целерационального духа, который ради достижения поставленных целей не гнушается никакими средствами. Но немцы-техники оторваны от жизни в другом, более широком гуманистическом аспекте. Их несущие смерть изобретения выступают против самой жизни, против таких же людей, как они сами, о чем гелертеры даже не задумываются. Мотив закрытости и глухоты четко проявляется в комически сниженном портретном описании фон-дер-Кваке, который перед разговором с полковником вынимает из ушей вату.

Когда гелертер не находится в пространстве отвлеченного научного изобретательства, он скатывается в бездну скарёдного быта доброго немца, торгуясь с полковником за каждую марку: «Прибавьте, господин полковник. Жена у меня, дети» [6, с. 101]. Хотя ученые заявляют, что изобретают «для отечества» [Там же], их настоящая цель – поправить свое материальное положение, получить орден. Стремление же полковника – купить подешевле. Все персонажи действует в рамках целерациональности, преследуя свои интересы. Полковника несколько не смущает, что ученый испытывает свое устройство на бельгийских пленных, но недоволен, когда в ходе эксперимента случайно страдает корова, ведь ослепшая корова – это пустая растрата ресурсов.

В мотиве изобретений также причудливо переплетается рациональное научно-техническое и фантастическое сказочное начала. В наши дни расхожим стало суждение, что наука все более начинает напоминать волшебство, поскольку в силу все усложняющегося характера научных открытий обычный человек теряет возможность понять, как работает то или иное техническое новшество. Так и принцип действия смертельных изобретений немцев-ученых из рассказа С. Черного не объясняется. Техническая сторона вопроса не важна, главное – последствия применения оружия, в чем оно сходно с каким-нибудь сказочным мечом-кладенцом, с помощью которого герой поражает сотни и тысячи своих противников. При этом внешне чудозобретения выглядят неэффектно (маленький узелок, «какая-то штука, вроде швейной машины» [Там же], «небольшой черный ящичек» [Там же, с. 102]), как и волшебный клубок или Конек-горбунок из русских сказок, зато весьма эффективны. Этот эффект выстраивается в соответствии со сказочной восходящей трехступенчатой градацией. Вообще, изобретений, принесенных полковнику на продажу, конечно, не три, а сорок три. В этом числе соединяется гротескное преувеличение со скрупулезной расчетливой рациональностью. В ряду подобных встречающихся в рассказе гипербол можно назвать и очередь изобретателей, хвост которой «тянулся по коридору, по лестнице, изгибался, как пожарная кишка, по улице и терялся далеко за углом» [Там же, с. 101], и стоящую в углу корзину с орденами, из которой ученый может выбрать себе любой по вкусу. Последняя гипербола сатирически снижает ценность самой награды: орден, по идее выдаваемый за особые заслуги перед страной, превращается в ничего не значащую пустышку. Характерно, что рациональному полковнику, несмотря на то, что он военный, жалко марок, но совсем не жалко орденов. В соответствии с той же логикой он хочет предложить военному министру ввести таксу на изобретения: «Этак скоро Германия без рубашки останется» [Там же, с. 102] (еще одна снижающая гипербола, иронически обыгрывающая образ сверхзатратной гонки вооружений).

Несмотря на то, что изобретений предлагается много, более детально описываются три из них. Первое – это купленный за семьдесят марок порошок, из-за которого противники «три дня чесаться будут, всю кожу с себя сорвут» [Там же, с. 101]. Второе – купленная за сто шестьдесят марок машина, которая «беспроволочным током работает»: «Заведешь ее – у неприятеля за десять верст глаза повылезают» [Там же]. Как видим, соблюдается та же сказочно-рациональная градация увеличения сумм и наносимого ущерба. Третье изобретение является совершенно фантастическим на тот момент (атомная бомба появится только к концу второй мировой войны), абсолютным оружием: «Если эту проволочку соединить вот с этой, да с этой, да нажать вот на эту штучку – то за тысячи верст отсюда взлетит Нью-Йорк, нажать вот эту – Париж, вот эту – Петроград, вот эту – Лондон...» [Там же, с. 102]. Следуя сказочной логике, злодей не обладает абсолютным оружием, хоть и стремится к этому – оно должно достаться главному доброму персонажу, чтобы с его помощью восстановить утраченную космическую гармонию. Однако в рассказе «Техники», как уже говорилось, нет протагониста. Полковник сам отказывается от черной чудокоробочки и, более того, платит вдвое большую сумму, чем запросил ученый, лишь бы тот уничтожил свое изобретение. Именно в этот момент сказка наиболее явственно превращается в социальную сатиру.

Полковник, представитель военного министерства, действует как представитель сложившейся и самодовлеющей системы, цель которой вовсе не победа над противником, а перманентное продолжение войны, обеспечивающей смысл существования самой системы: «А что же мы, военные, будем делать после твоего проклятого изобретения? <...> С войной что будет? А? С пушками? А? Ремесло наше уничтожить хочешь, армию переокрасить, маршировки лейтенантов прекратить!..» [Там же]. Таким образом, в кульминации произведения сказка, научная фантастика и социальная сатира смешиваются друг с другом, раскрывая абсурдность и антигуманный характер войны и целерациональной гонки вооружений.

Иначе происходит переосмысление военного опыта в рассказе С. Черного «Диспут». Действие происходит в 1916 году в лазарете, где батюшка о. Василий сначала читает раненым фантастическую повесть Н. В. Гоголя «Вий», а затем солдаты обсуждают услышанное. Автор использует прием текста в тексте, при этом мастерски обыгрывая явления реинтерпретации сказочного начала. Как пишет Ж. Женетт, «смысл книг находится впереди, а не позади них, он в нас самих; книга – это не готовый смысл, не откровение, которое нам предстоит пережить, это запас форм, ожидающих себе смысла...» [2, с. 102]. В результате процесс смыслопорождения переносится «в сферу адресата» и на первое место выдвигается «понятие контекста восприятия как фактора актуализации смысловых значений, заданных текстом» [3, с. 14]. Солдаты не просто слушают «страшное», чтобы разлечься и забыть «...о своей неласковой судьбе: кому в окоп возвращаться, ждать с часу на час шальной пули между глаз, кому домой инвалидом со скрюченной ногой добираться» [7, с. 181-182]. Они проецируют на историю Хомы Брута свой жизненный опыт, свои ценности и убеждения. Каждый из них выступает в роли «наивного» читателя, уверенного, что именно он понял «истинный» смысл текста. Но благодаря многоголосице порой полярных трактовок текста Гоголя (при этом за всеми персонажами-интерпретаторами стоит еще нарратор, рассказывающий историю, а за ним угадывается собственно А. Гликберг, ушедший на фронт в качестве санитаря) «Вий» превращается в зеркало, отражающее не столько смыслы самого произведения, сколько жизненные смыслы участников диспута, посвященного повести. Так, ефрейтору Костюшкину, назвавшему Хому бараном за то, что тот не устоял, хотя мог неплохо заработать, возражает сосед: «Ты... того и не понял, что бурсак этот русский настоящий характер в себе обнаружил. Стойкость русскую проявил... Нутренний голос ему приказывает: –не гляди, погибнешь, с... сын"... а он наперекор. Наплевать. Хоть погибну, а взгляну... А ты про деньги-награждение...» [Там же, с. 182]. Поступок Брута превращается в подвиг самопожертвования: «Сам погиб, да и чертям крышка...» [Там же].

Кроме того, этот безымянный раненый (в этой анонимности он выступает как воплощение множества подобных ему других русских солдат) актуализирует в своей реинтерпретации представления о немцах как выражение «чужого» начала, противопоставленного «своему»: «Немец, чи... австриец какой... до конца бы постарался, свою линию бы довел: и жив бы остался, и панским арендатором бы стал. Ему это первый интерес. Да жену бы себе из Германии выписал, страна вольная, дураков много, живи. А наш хлопец настоящий оказался» [Там же]. В итоге возникает целый ряд оппозиций: «русскость – немецкость», «настоящее – мнимое», «импульсивное – расчетливое». Русская литература XIX века демонстрирует целую череду подобных персонажей, умозрительных добрых немцев, которые расчислили свою жизнь наперед и гнут свою линию: от Шиллера из повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» до лесковского Пекторалиса из рассказа «Железная воля». Здесь все тот же пресловутый «экзистенциальный разрыв», который позволяет немцам, в интерпретации русского солдата, соприкоснувшись с миром чудесного, пройти мимо и жить дальше, словно ничего не произошло, делает рациональных немцев дураками, а иррационально ведущего себя Брута – героем и настоящим человеком. Собственно говоря, возникающий образ немца – это тоже символическое отражение, только с перевернутым смыслом, говорящим, как не стоит поступать русскому человеку. История Хомы Брута, попавшего в демонический локус, соотносится с историей лежащих в лазарете солдат, не по своей воле оказавшихся в смертельном пространстве и находящихся в иррациональности подвига выход из жестокого абсурда войны.

Наконец, третий вариант сказочного преодоления и выхода за пределы военного хронотопа представлен в рассказе «Замиритель». Большую часть произведения составляет рассказ-фантазия ефрейтора Егора Пафнутьева о том, как бы он смог прекратить надоевшую войну, захватив кайзера Вильгельма и заставив его подписать мир. В «Замирителе», таким образом, перед нами предстает один из вариантов героя в русской сказке – находчивый солдат. Стоит отметить, что, вообще, в сказках С. Черного «...служивый отличается сметкой, удалой хваткой и хитроумной изворотливостью. Однако плутоватость тонет в целом море добродушного лукавства, наивного ребячества, светлого, радостного юмора и выдумки» [5, с. 32]. Егор Пафнутьев – это перенесенный из волшебной сказки Иван-дурак, который на деле совсем не дурак: просто ему «даровано наивно-детское восприятие окружающего мира» и способность находить «нетрадиционные решения» [1, с. 66]. Сослуживец Пафнутьева, Федор Иванович, «больше похожий на степенного лешего, чем на армейского пехотного рядового» [7, с. 212] (т.е. тоже отмеченный сказочностью), амбивалентно определяет способности товарища: «Голова у тебя генерального штаба, а мозги телячьи...» [Там же, с. 213]. Сам же протагонист дает себе такую характеристику: «...я не герой, человек кроткий, в разведчики и то не гожусь. Но башкой меня Бог не обидел. Котелок работает! Ужели мозг против кулака ничего не может? ...вещь такую задумал, что только Суворову впору» [Там же, с. 209]. Лишь вместо волшебной птицы, которая переносит героя в иное пространство, у него «ероплан», имеющий вполне «птичьи» черты: «Стал он кольцами, как ястреб-тетеревятник, кружить...» [Там же, с. 211].

Противник Пафнутьева, Вильгельм, изображается в лубочном стиле: «Усы штыками кверху закручены, шинель вроде нашей николаевской, каска – пикой, ровно хвост у кобеля» [Там же]. Как и прочих типажных немцев, его отличает педантичность: «Вильгельм – немец аккуратный, ровно в восемь к войскам выйдет» [Там же, с. 210]. При этом он проявляет амбивалентные черты. Как и для безымянного солдата из рассказа «Диспут», Вильгельм для Пафнутьева не совсем настоящий человек, а что-то «вроде человека» [Там же, с. 211]. Маркером чужеродности является иной язык: «А он... меня русским словом по-немецки обложил»; «Я ихнего длинного разговору не понимаю» [Там же]. Но главное отличие русского от немца в представлении ефрейтора (сходный мотив представлен и в рассказе «Диспут») – это отношение к деньгам. Кайзер предлагает Пафнутьеву два миллиона за свое освобождение, вызывая возмущение ефрейтора: «Ах он гад усатый! <...> Чтob русский человек свою родину продал – сроду этого не бывало...» [Там же].

Разумеется, сказочный сюжет, перенесенный в реальность Первой мировой, осуществиться не может. Рассудительный Федор Иванович спускает с небес на землю замечтавшегося сослуживца, развенчивая по пунктам все его фантазии. Однако на некоторое время волшебная реальность помогает скрыться от войны в детски-наивный мир, где добро всегда побеждает зло.

Итак, С. Черный в своих рассказах находит разные варианты переосмысления реальности Первой мировой войны через призму сказки. При этом маркированные немецкостью образы в данном случае – отражение в кривом зеркале, помогающее вскрыть внутренние абсурд и бесчеловечность происходящего. Так, рассказ «Техники» – это не столько описание германского министерства, сколько сатира, направленная против военной машины вообще. В рассказах «Диспут» и «Замиритель» образы немцев выстроены «от противного»: с их помощью русские герои-солдаты утверждают собственную самость, стараются сохранить свое представление о должном в жестоких условиях войны.

Список литературы

1. **Грахова С. И., Скворцова Л. В.** Образ одаренной личности в русской народной волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. Ч. 1. С. 65-67.
2. **Женетт Ж.** Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 472 с.
3. **Жеребин А. И.** Вертикальная линия: Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2011. 538 с.
4. **Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.** Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 6. С. 37-54.
5. **Иванов А. С.** Театр масок Саши Черного // Черный С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 3. Сумбур-трава. 1904-1932. С. 5-40.
6. **Черный С.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 3. Сумбур-трава. 1904-1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. 480 с.
7. **Черный С.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 4. Рассказы для больших / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. 432 с.

FABULOUS RE-INTERPRETATION OF GERMAN IMAGES IN THE CONTEXT OF THE FIRST WORLD WAR (BY THE EXAMPLE OF THE STORIES BY SASHA CHORNY)

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Siberian State Academy of Geodesy
fstud2008@yandex.ru

The article examines the images marked by Germanness in the stories by Sasha Chorny – “The Technicians”, “Dispute” and “Peacemaker” relating to the artistic presentation of the First World War. In the manner typical for the author this theme is re-interpreted in the spirit of a fabulous element, representing the military events in the grotesque fantastic form. Overcoming the traumatizing experience of a cruel, manifesting itself in absurd appearance reality is carried out by appealing to the image of a soldier who triumphs over the enemies due to his native wit and courage.

Key words and phrases: Russian literature of the XX century; Sasha Chorny; story; fairy tale; satire; literary tale; Germanness; First World War; image of a German-scientist; image of a Russian soldier.